

32.550К

70-летию Победы
посвящается

Ивановское отделение Союза писателей России

ОТКРО- ВЕНИЕ

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
АЛЬМАНАХ

№ 21

Иваново
«ПресСто»
2015

ИИ

Год 70-летия Великой Победы останется для ивановского литературного сообщества памятным реализацией двух значительных издательских проектов. Об одном из них – издании в Москве поэтической антологии «Война гуляла по России. Великая Отечественная война в русской поэзии» – рассказывает в этом выпуске «Откровения» составитель книги Леонид Таганов (см.). Второй же проект – вышедший в свет по инициативе и при участии областной писательской организации, широкой общественной поддержке новый, наиболее полный сборник стихов нашего земляка Николая Майорова – одного из плеяды поэтов, не вернувшихся с войны, автора знаменитого, ставшего классическим стихотворения-реквиема «Мы». (Николай Майоров. Избранное / сост., вступ. ст., примеч. Н.А. Голубева. – Иваново : Издатель Епишева О. В., 2015).

Помимо прочих достоинств, книга эта примечательна новым взглядом на поэзию Майорова. Составитель отказался от традиционных принципов построения подобных сборников (либо хронологическая последовательность, либо компоновка стихов по тематическим циклам) в пользу свободной, «импрессионистской» манеры представления читателю творческого наследия поэта, ушедшего из жизни таким молодым и потому таким вольно и разнопланово ещё «бродящим» в своих творческих и человеческих исканиях.

Переходя от стихотворения к стихотворению (а все они укладываются в очень короткий срок – 1936–1941 годы, период, когда поэту было от 17–18 до 22 лет), наглядно видишь и переключки между ними, и вольные их разбегания в разные стороны, и постепенное становление в них той «руки» молодого мастера, которое, к счастью, успеет отлиться в те самые чеканные строки Майорова, не случайно начинающиеся словами: «Есть в голосе моём звучание металла...»

Целый ряд найденных совсем недавно и введенных в литературный оборот Николаем Голубевым ранних стихотворений Майорова позволяет нам лучше представить тот «гений места» (понятие, сегодня очень активно используемое в литературоведческом анализе), тот географический, предметный, духовный, настроенческий антураж, которым определялось и с которым резонировало в юности звучание майоровской лирической струны.

Потому-то и показалось интересным представить читателю «Откровения» именно такую подборку стихов из этой удивительно молодой книги, где все это было бы достаточно наглядно. Что из того, что в иных стихах видны ещё формальные недочеты; что из того, что довольно явственно слышны здесь то Багрицкий, то Пастернак (прекрасные, кстати, учителя!)... В них важно другое: свидетельство того, насколько яркой и мощной была одаренность этого юноши; как

был его взгляд зорек и жаден до всего сущего в обступившем его, пусть пока не столь просторном, мире; как стремительно и круто замешивался его человеческий и поэтический характер. Дай-то ещё Бог такого и многим нынешним молодым!

«...Когда проклятая война и души и тела топтала...» – горестно и гневно выкрикнул однажды Александр Межиров о времени военного лихолетья. И так горько вновь и вновь осознавать – какого Поэта война отобрала у нас...

Виктор СОКОЛОВ

Николай МАЙОРОВ

*«Я шёл, весёлый
и нескладный...»*

Детство

Я был влюблённым в лес и в воду,
В простую радость, в игры на дворе.
Курил табак. Крал тайно из комода
Отцовский карабин, хранимый в кобуре.

Друзья мои, – владельцы птичьих клеток,
Невинных снов, диковинных гвоздей, –
В часы нужды курили листья с веток,
Дрались у игрищ, крали голубей.

На всё был спрос, к любой покупке повод.
Превыше всех коллекций старины
Ценились карабин и книжка «Овод»,
Для них, казалось, не было цены.

Мир был предельно прост и ясен.
И за пригоршню пятак
Мы покупали мыслимое счастье,
Закованное в тяжести подков.

1937

Апрель

Ту улицу Московской называли.
Она была, пожалуй, не пряма.
Но как-то по-особому стояли
Её простые, крепкие дома.
И был там дом с узорчатым карнизом.
Купалась в стёклах окон бирюза.
Он был насквозь распахнут и пронизан
Лучами солнца, бьющего в глаза.
По вечерам – тягуче, неумело
Из-под шершавой выгнутой руки
Шарманка что-то жалостное пела –
И женщины бросали пятаки.
Так детство шло.
А рядом, на базаре,
Народ кричал. И фокусник слепой
Проглатывал ножи зараз по паре.
Вокруг – зеваки грудились толпой.
Весна плыла по вздыбившимся лужам.
Последний снег – темнее всяких саж –
Вдруг показался лишним и ненужным
И портившим весь уличный пейзаж.
Его сгребли. И дворники, в холстовых
Передниках, его свезли туда,
Где третий день неистово, со стоном
Ломала льдины полая вода.

1937

Стремление

Мы расходились и опять встречались.
писали письма, слали адреса.
Над нами звёзды робкие качались,
и месяц рыжий с неба нависал.

Гремели поезда на перегонах,
ключи разлук глубоко затая,
и, не сойдясь, мы в крашенных вагонах
вновь разъезжались в дальние края.

И всё ж, метаясь, злобствуя, кочуя
по гулким незнакомым городам,
в конце концов, стремлюсь я
и хочу я
причалить к тем же сбитым берегам.

Пусть в этом городе мне всё знакомо,
но разве не приятно мне опять
за каждым поворотом, каждым домом
знакомый мир, как в детстве, узнавать...

1938

После ливня

Когда подумать бы могли вы,
Что, выйдя к лесу за столбы,
В траву и пни ударит ливень,
А через час пойдут грибы?
И стало б видно вам отселе,
Лишь только ветки отвести,
Когда пойдёт слепая зелень
Как в лихорадке лес трясти.
Такая будет благодать
Для всякой твари! Даже птицам
Вдруг не захочется летать,
Когда кругом трава дымится,
И каждый штрих непостоянен,
И лишь позднее – тишина...
Так ливень шёл, смещая грани,
Меняя краски и тона.
Размыты камни. Словно бивни,
Торчат они, их мучит зуд;
А по земле, размытой ливнем,
Жуки глазастые ползут.
А детвора в косоворотках
Бежит по лужам звонким, где,
Кружась, плывёт в бумажных лодках
Пристрастье детское к воде.

Горит земля, и пахнет чаща
Дымящим пухом голубей,
И в окна входит мир, кипящий
Зелёным зельем тополей.
Вот так и хочется забыться,
Оставить книги, выйти в день
И, заложив углом страницу,
Пройтись босому по воде.
А после – дома, за столом,
Сверкая золотом оправы
Очков, рассказывать о том,
Как ходят ливни напролом,
Не разбирая, где канавы.

1939

* * *

Тогда была весна. И рядом
С помойной ямой на дворе,
В простом строю равняясь на дом,
Мальчишки строились в каре.
И бились честно. Полагалось
Бить в спину, в грудь, ещё – в бока.
Но на лицо не поднималась
Сухая детская рука.

А за рекою было поле.
Там, сбившись в кучу у траншей,
Солдаты били и кололи
Таких же, как они, людей.
И мы росли, не понимая,
Зачем туда сошлись полки:
Неужто взрослые играют,
Как мы, сходясь на кулаки?

Война прошла. Но нам осталась
Простая истина в удел,
Что у детей имелась жалость,
Которой взрослый не имел.
А ныне вновь война и порох
Вошли в большие города.
И стала нужной кровь, которой
Мы так боялись в те года.

1940

